

United States Holocaust Memorial Museum
Oral History Interview
Belarusian Witnesses Documentation
Project

RG-50.674.0044.01.01

- Здравствуйте.
- Здравствуйте.
- Назовите, пожалуйста, ваше имя и фамилию.
- Бойко Мартин Павлович.
- Какого года рождения вы?
- 25 марта 1935 года.
- Где вы родились?
- В городе Барановичи.
- Несколько недель назад, к вам приезжали мои коллеги, и вы делились с ними своими воспоминаниями...
- Было такое.
- И теперь мы приехали, чтобы заснять ваши воспоминания?
- Было такое.
- Если повторить сейчас, все это, очень тяжело.
- Давайте мы по порядку, попытаемся, немножко восстановить ваши воспоминания. Скажите, пожалуйста, в 41ом году, когда началась война, где вы находились?
- В 41ом году, когда началась война, я точно не помню, я вроде бы находился дома.
- Ну, вы были в Барановичах?
- Я был в городе Барановичи, жил с матерью, а когда начали бомбить, в Барановичах в 41ом году, стоял костел.
- Угу.
- Это около Полесского вокзала, там стоял деревянный пятачок, когда-то был пятачок здесь, и там был костел. Около костела, стояло дерево, и там же костел стоял.
- Угу.
- И там, в общем, мать была очень верующая, и она водила меня с собой.
- Знаете, что я хотела у вас спросить, вы не помните, в Барановичах, до войны, проживали евреи?

- Очень много.
- Вы кого-нибудь из них знали?
- Очень много. Да, Борис.
- Борис?
- Борис, Сережа.
- Это были взрослые или дети?
- Дети.
- Вы с ними игрались?
- Да, вместе.
- А фамилии не помните?
- Нет, не помню.
- А как вы узнали, что это были дети евреев?
- Ну, разные игры, в прятки в основном, девочки были, такие, малые как мы. Были немного старше.
- Это были дети по соседству, они с вами жили или нет?
- Ну, мы приходили в тот район, там базар был когда-то, ну там и встречались, дружили.
- А дети между собой по-еврейски говорили, вот, между собой?
- Некоторые по-еврейски говорили, некоторые по-польски говорили, в основном, это были: Стасик, Бенек; такие были.
- Угу.
- Конечно...
- А, чем занимались их родители, не помните?
- У них, это самое, у них на базаре было свое место, это было тогда, где сейчас дом стоит, тогда был базар.
- Они торговали на базаре, да?
- Да, там у них свои склады были, все было свое, в общем...
- А какими были отношения между евреями и другими национальностями, поляками там, беларусами, другими?

- Ну, евреи, как вам сказать, они по-польски говорили, по-белорусски, кто как мог, они особо не выделялись, для нас, для детей.
- Ну, какие отношения были между евреями и всеми остальными?
- Для детей не было никаких отношений?
- А между взрослыми не замечали, какие отношения были?
- А у взрослых, ну тоже, моя мама служила у евреев, некоторых, ну они на базаре торговали, у них там свое хозяйство было, надо было убираться.
- Так что, она убирала у них дома?
- Да, служила там у них.
- И помните, как звали, или фамилию этих евреев, у которых ваша мама работала?
- Нет, не помню.
- Не помните?
- Не помню, что специально помнить нужно было, записывать.
- Ну как, у них были дети или они были в возрасте, постарше или помладше?
- Ну, некоторые были постарше, а некоторые наши одногодки, почти. Некоторые чуть по младше, некоторые чуть по старше. Ну, конечно, там еще, ну фамилии были разные.
- То есть, ваша мама работала в разных семьях?
- В разных семьях, да.
- Когда началась война, что случилось с евреями в Барановичах?
- Когда началась война, в это время, как вам сказать, уже оккупационные войска, уже начали, как бы делить народ.
- Угу.
- Делить народ, ты можешь быть или ты можешь здесь не быть.
- И как они делили?
- Ну, как в основном, нас детей, мы в основном все равно шли играть. Мы играли вместе, для нас не было разницы в национальности. Ну вот.
- И евреев куда-то отдельно поселили или что?
- А это уже не сразу, это после.
- А что случилось сразу?

- А вы не помните, они носили какие-то знаки отличительные?
- Я не помню, чтобы сразу началось такое отношение, но уже начали немножко говорить, что евреев, ну, знаки некоторые носили, некоторое не носили.
- Вы видели такие знаки?
- Да.
- А что за знаки были?
- Вроде звезды какой-то.
- Не помните цвет?
- Не помню.
- Не помните. И, хорошо, некоторые носили, некоторые не носили, но они жили по своим домам?
- По своим домам.
- А что потом случилось?
- А?
- А что потом случилось?
- А после случилось, что их заставили звезды надевать и уже в общественном месте, они не должны быть.
- Не должны?
- Не должны быть.
- Запрещали?
- Уже всех согнали туда, где сейчас баня на Мицкевича, огородили и туда согнали всех евреев, и детей и стариков.
- Вы видели, как их туда сгоняли?
- А?
- Когда их туда сгоняли, в это место, вы видели?
- Как вам сказать и видел, и не видел. Потому что, это все делалось, когда стемнеет, и людей туда начинали сгонять. Понимаете? А так, чтобы днем туда сгоняли, конечно, нас тоже гоняли, а еще на еврея был похож, и мне говорили, мол, иуда, чего ты ходишь здесь?
- Угу.

- А я ходил, я на еврея был немножко похож.
- Ну, их туда стогнали несколько дней подряд, или несколько недель, и как долго их там собирали?
- Где-то неделя, наверное.
- То есть, неделю их собирали?
- Где-то да, недолго их собирали, группировали всех.
- А вы не видели, как ваших знакомых детей собирали?
- Ну, а как же, их тоже.
- Ну, вы видели лично, как их собирали?
- Ну, видел, мы же ходили туда, чтобы играть вместе.
- Ага, и что вы видели?
- А они уже со звездами были, они говорили, что мы больше с вами играть не будем.
- Они так говорили?
- Да.
- Они носили эти звезды?
- Да.
- И они объяснили, почему не будут с вами играть?
- Ну, как они объяснили, мол, наша судьба уже такой стала.
- И потом, вы видели, как их увели на эту улицу, на Мицкевича, видели, как уводили?
- Я уже это видел, как на Мицкевича построили всех евреев, в том числе и детей, поставили в колонны, и все. Я, тогда как раз пришел тогда и меня тогда в колонну впихнули, я тоже встал, рядом с детьми. И я с детьми вместе шел.
- Угу. Вот тогда вы их увидели, а до этого вы их не видели?
- Нет.
- Это место, на Мицкевича, вы говорили, что оно было огорожено, да?
- Огорожено, да.
- А чем огорожено?
- Колючей проволокой.

- Угу, забора не было, только колючая проволока?
- Не было.
- И долго это место было там?
- Ну, как вам сказать, долго, не долго, я так не засекал вот это, но всегда когда приходили, там колючая проволока, огорожено все. И мы, бывало, поднимем эту колючую проволоку и лезли туда.
- Угу, там была охрана?
- Ну, охраны особой не было?
- Ну, в целом не было, но была какая-то?
- Была.
- Были немцы или полицейские?
- В основном полицейские были.
- Вы помните, какая одежда была у этих полицейских.
- Из одежды, была: шинель, было белое что-то на рукаве, был воротник, тоже белый.
- И много таких полицейских было?
- А?
- Много таких полицейских охраняло?
- Очень много было там.
- Они охраняли?
- Охраняли или нет, мы, в общем, лезли, куда нам надо.
- А внутри этого места, внутри этого гетто, да, много евреев было?
- Очень много там народу было. Значит, когда построили уже, вести начали и женщин и детей и я тогда попался. И меня тоже туда, в эту колонну и повели.
- А вы не сопротивлялись?
- А?
- Вы не сопротивлялись? Когда вас поставили в колонну, вы не пытались сбежать или сопротивляться?
- Пытался, но уже не пускали.

- Угу.
- Уже не пускали. Я бы на еврея очень похож, мне и звезду прицепили, на плечо, тоже.
- Вам успели звезду прицепить?
- Да.
- А как они, зашивали, или как они прицепляли?
- Пришивали.
- Сразу на месте пришивали?
- Некоторым пришивали, а мне сразу на месте прилепили и все.
- Угу.
- И после, когда двинулась колонна, и мы стали идти, меня строго полицаи прикладом, это ударили, мол, куда ты Иуда.
- А вы говорили, что вы не еврей?
- Я говорил, но они что, посмотрят на меня, похож и все.
- Угу. Так что получается, что вы довольно долго времени там провели, если успели вам нашить эту звезду?
- Ну, не немцы, а наши, полицаи, они очень старались.
- То есть, я правильно понимаю...
- ...
- Я спрашиваю у вас, если удалось даже вам зашили эту звезду, я предполагаю, что вы достаточно времени провели там, да, если они успели, то есть вы зашли внутрь этого гетто, да, зашли внутрь?
- Ну, гетто, не гетто, я не знаю, но уже все было обтянуто, уже евреям нельзя было везде ходить, только по проходной ходить.
- Угу, а вы пролезли под проволокой, так я понимаю?
- Да, под проволокой и полезли туда.
- Вот, вы зашли внутрь, а они уже собрали колонну, или еще собирали?
- Они собирали?
- Собирали?
- Конечно.

- Хорошо. Где они вас поймали?
- Меня, а я сам зашел туда, я же говорил, что зашел туда.
- Я поняла, что вы прошли под проволокой. Ну, вот когда они собирали всех, где они собирали?
- Когда они начали строить всю колонну?
- Да.
- Тогда всех...
- Выводили как бы?
- Всех, всех кто был, не разбирали.
- А где вы были как раз в это время?
- А я был с ними вместе.
- С вашими знакомыми?
- Я был вместе с ними.
- С кем именно, из ваших друзей? С кем именно вы были?
- Ну, этот: Лева, Борис, Гена. Были и русские фамилии, не только еврейские.
- Русские как бы семьи?
- Нет, ну их называли по-всякому. Стасик – ну, это польское имя...
- Так они были евреями, или у них просто имена и фамилии, звучали по-русски?
- Ну, они вместе встречались там, они были евреями, но звали их так.
- И когда они вас забрали, вместе с друзьями вашими, куда они повели вас?
- Я был в колонне.
- А где колонна располагалась, внутри той территории загороженной, или уже снаружи, вывозили куда-то?
- Вот именно, что снаружи. Вот я как сейчас помню, что была улица Мицкевича, что собрали всех в колонну, в колонну и повели.
- Большая колонна была?
- Большая, очень, очень большая. Мы пошли, как я сейчас помню, шли по Мицкевича, потом она в право идет, потом Советскую перешли, и нас к милиции туда повели, уже колонной. И вот здесь уже, когда вывели к Калинковой улице, раньше называлась,

Калинковая улица, эта самая, которая сейчас, как она называется...вот здесь уже встретили нас, наши матери.

- И ваша мама была?

- Да.

- И кто еще? Вы говорите “наши матери”, кто еще?

- Ну, там еще были, их уже в живых нет, не помню особо как их, матерей, которые забирали своих детей.

- Потому что, в колонну попали русские дети тоже?

- Да, беларусы тоже.

- Да, ни я один?

- Не я один, много было.

- А кто еще из детей попал в колонну с вами, не из евреев?

- Сейчас никого нет.

- Но не помните по именам?

- Не помню.

- Угу.

- Не помню. Фамилий не помню.

- И что ваши, родители?

- Когда мы к переезду подошли мы, меня мать увидела, и давай проить полицаев, чтобы отпустили, что все-таки не еврей, и звезду ему зря прицепили, он же не еврей. Ну, как она договорилась с этими полицаями, немцу сказали, эти полицаи.

- И немцы тоже были, в этой колонне?

- Да, были.

- Угу.

- И немцам сказали, что она сказала и меня отпустили.

- А она показала какие-то документы?

- Нет, нет, я не помню, что она приносила, как она доказывала, что я не еврей, а поляк.

- Полицейский был знаком с вашей мамой, не знаете?

- Не знаю этого.
- У вас они что-то спрашивали...
- ... потому что, рядом с нашим домом, жили полицейские Кулаки, фамилия Кулак. Там были, эти полицейские, у них большой, там они обитали. Там они немцам сказали, что я не еврей. Меня сразу оттуда, и она забрала и домой.
- Этот полицейский, Кулак, вы говорите, что фамилия такая, он тоже охранял колонну?
- Вы его видели там?
- Кого?
- Этого полицейского?
- Ну, конечно.
- Угу, и ваша мама разговаривала с ним?
- Да, конечно.
- Понятно.
- С полицейскими.
- И это именно он сказал немцам, что вы не еврей?
- Да, именно он сказал, что этой женщины, сын, это, его отпустить надо.
- А когда вас вели, в колонне, вы боялись?
- Ну, как вам сказать, я почти ничего не боялся.
- Вы, знали, куда вас ведут?
- Расстреливать ведут, мы знали, чувствовали это.
- А откуда чувствовали?
- Ну, просто чувствовали. Потому что они били, ну так, не глядя, прикладами, все это.
- Что не расходились люди?
- Да, все это, чтобы не разбегались, чтобы шли в колонне.
- А как вы думаете, в этой колонне были десятки людей, или может сотни?
- Может и тысячи, очень было много.
- Там было больше, взрослых, или мужчин, или женщин?
- А взрослых много было. Взрослых, особенно, стариков, старух, и детей.

- И все были с Барановичей?
- Все с Барановичей.
- Вы узнали часть, как я понимаю, вы знали детей из Барановичей?
- Да, я с ними общался, я знаю, что они из Барановичей.
- Угу.
- Ну, остальных я не расспрашивал, что там к чему, откуда пригнали или что...
- После того как...
- ...А так в основном я знал барановичских, на рынке они продавали все это, так что знали они друг друга.
- И ваша мама забрала только вас из колонны, или мамы других детей тоже забирала?
- И других забирала.
- Разрешили другим детям, не евреям, тоже забрать?
- Ну, кто приходил, из родителей, те забирала.
- И после этого вы сразу домой пошли?
- Сразу домой.
- Вы не видели, куда направилась колонна?
- Ну, как не видел? Я с пригорка видел, куда их повели. Их повели по улице, прямо, и там был переезд, и там сейчас нет переезда, а тогда был переезд, это туда, в Колпеницу идти. Переезд был, через железную дорогу, который на мосту был, и туда повели.
- К тому переезду?
- Да.
- А дальше куда, вам не известно?
- Слышно было, как дальше было.
- И что было слышно?
- Стрельба, стреляли в народ.
- Что за выстрелы были слышны, одиночные или очередями?
- Ну, как вам сказать, стреляли и одиночными и с автоматов стреляли. Разная стрельба была.

- И долго такая стрельбы слышна была?

- Очень долгая стрельба была. Это было летом, светло было. Я, как говориться вспомнил, мы домой пошли, а около моста, где поезда на Минск идут, там внизу на Вильнюс, а вверху на Минск. И вот в этом районе мы жили. И мы все это слышали, стон людей, крик.

- Слышны были даже стоны и крики?

- Да.

- Какое примерно расстояние от вашего дома, до того места, где эта стрельба происходила?

- Метров 300-400.

- Очень, очень близко.

- Там, там я коз гонял, так это совсем рядом.

- А когда ваша мама забрала вас из колонны, как далеко это было от вашего дома?

- Это было, как вам сказать, вот, где сейчас поворачивает автобус, 4ка, едите, 4ка, 7ка, вот здесь, едите по этой улице, как она называется, сейчас, как она называется, что-то с головой случилось...

- Просто если вы скажете примерно, сколько метров...

- Павлова, Павлова...

- ...будет больше понятно.

- Павлова улица, Павлова.

- Ну, расстояние, какое из вашего дома, из-за того, я то не местная, если бы, вы примерно рассказали сколько метров...

- Где был расстрел, я вам говорил.

- Нет, я про то место, откуда вас мама забирала из колонны.

- А, это от переезда, от Павлова, где вот Павлова улица, вот отсюда, потому, что переезд здесь раньше был...

- Ну, сколько метров...

- ...там мясокомбинат был, это место, где улица Павлова и где 7ка поворачивает, вот это место, где меня мама забрала, с этого переезда.

- Какое расстояние, примерно?

- Какое расстояние вас интересует?
- Вот от этого переезда, где вас забрали, до вашего дома?
- Ну, вот здесь, как Павлова улица начинается, и туда, немножко переезд туда, метров 10-15.
- Теперь понятно.
- Мама меня там забрала.
- Теперь понятно, и вы сразу домой пошли?
- И сразу домой она меня поволокла. Не пошли, а поволокла, я не хотел идти.
- Вы не хотели идти?
- Я не хотел идти.
- А куда вы хотели идти?
- Со своими друзьями.
- Вы туда хотели идти?
- Да, но она меня тянула.
- А когда вы пришли домой, буквально сразу услышали выстрелы или прошло время небольшое?
- Прошло время небольшое, небольшое время.
- Сколько примерно минут?
- Где-то полчаса, через полчаса колонна дошла туда.
- Угу, и потом вы слышали выстрелы?
- Да.
- Но из вашего дома ничего не было видно?
- Из нашего ничего не было видно, это потом уже мы начали пробираться туда, знаете, мы знали куда это идти. Это было, когда строили железную дорогу, с Вильнюса, на Минск, из Минска, на Вильнюс. Там еще лежали и шпалы и рельсы лежали, в общем, там уже было все готово, чтобы проложить.
- Сколько времени длилась стрельба, конкретно?
- Как мы тогда пришли, где-то, около часа.
- Около часа?

- Около часа, может и больше.
- Может и больше?
- Да, ну как вам сказать, я пошел к мосту. Хоть и мама не пускала, я все равно пошел к мосту. Немцы тогда охраняли мост, но мы все-таки, как-то, не могу сказать как, но пролезли.
- Но, вы в тот же самый день пошли?
- В тот же самый день. В тот же самый вечер, уже пасмурно было.
- Сколько времени прошло после той стрельбы?
- Ну, где-то час, наверное, если не больше. Точно не помню, но стрельба длилась очень долго. Люди стонали, ранены были.
- Это люди стонали, потом или во время таких выстрелов вы слышали стоны?
- И потом и во время. Все было.
- И вы пошли туда, и что вы увидели, когда пошли туда?
- Мы, уже пошли на завтра, туда продвинулись.
- Ну, вы сказали, что вы вечером пошли.
- Ну, как вечером мы бы там ничего бы не увидели, а вот после.
- Я не поняла что вы сказали, что вы вечером ничего не заметите?
- Почему не заметим, мы услышим стрельбу все время.
- Таки вы пошли туда вечером?
- Да, пошли посмотреть.
- И что вы там увидели?
- Увидели, рядом с площадью, лежащих.
- Уже трупов?
- Да, убитых.
- Вы кого-нибудь узнали там?
- Детей не видел, никого там.
- Только взрослых?

- Только взрослых, видел, как бы вам сказать, там не ров, а как бы вам сказать, в общем я говорил, что там путь делали, рельсы там. И уже это, подошли там земля вся, их уже засыпали там.

- Вы сказали, подошли на завтра?

- Нет, мы вечером подошли, увидели, что лежат люди. А уже на завтра...

- Еще раз пришли?

- Еще раз пришли, светло было, более ли менее.

- А вечером вам не видно было?

- Да.

- Да?

- Там, в общем, жуткая вещь была.

- И что вы увидели на 2ой день.

- Страшно, земля шевелилась.

- Они уже были все засыпаны?

- Да.

- Там никого не было?

- Засыпаны были.

- Убитых уже не было видно?

- Уже засыпаны были. Ну, и как там узнаешь, убитый он или нет, но земля там вся шевелилась, она вся ходила ходуном.

- Просто, не очень понятно, на 2ой день все засыпаны были или еще некоторые нет.

- Еще присыпанные были, немножко. Было интересно, или это немцы, пригнали народ с Колпеницы, вместе с полицией, чтобы засыпали.

- Угу, то есть частично их было видно?

- Или сами их засыпали, не известно.

- Просто, немножко сложно понять, они не полностью были засыпаны?

- Не полностью. Присыпано.

- Присыпано, только немножко земли было, да?

- Да.
- И как они были присыпаны, вы могли разбирать, были ли там ваши знакомые или еще кто-нибудь?
- Не могли.
- Не могли?
- Не могли уже разобраться, потому что земля уже была засыпана.
- И вечером тоже не могли разобрать?
- Уже никого не мог. И кровь и все, там ничего не разберешь.
- А когда вы вечером пришли, вы там не слышали голосов, может там кто-то в живых остался?
- Были голоса, и стоны, все было в этом месте.
- И вы не узнали, никого как по голосу?
- Нет.
- Не было такого?
- Нет.
- Долго вы пробыли, вечером, там на месте?
- Не долго, мы боялись, что немцы придут, и всех нас порешат здесь. Я не один был.
- А с кем вы еще были?
- Многие, многие из тех, кто жил на Колпенинской улице, вот они.
- Сколько примерно ребят с вами было?
- Ну, человек 8-10 нас туда ходило.
- Вы помните кого-нибудь по имени из этих ребят?
- Их уже в живых нет.
- Ну, все равно...
- Никого нет, только я в живых остался, и братьев моих нет, никого.
- И братья с вами были тоже?
- Нет, не было.
- А кто был с вами, помните по имени и фамилии?

- Стасик был, Костя Чертог, Костя Чертог был, не знаю, он умер наверное, потому что он старше меня был.

- Ну, когда вы пришли, уже никакой охраны не было на том месте, верно?

- Ну, почему, на том месте, была охрана, но мы, пацаны лезли, нас гоняли, но все равно.

- То есть охрана была там?

- Да.

- А кто там охранял, немцы или полицейские?

- Полицейские, немцы там не охраняли.

- Они далеко от вас находились эти полицейские?

- А?

- Они далеко от вас находились эти полицейские?

- Далеко, но мы их отличали, у них были воротники белые и рукава вот здесь вот, манжеты белые. Это полицаи были.

- Я просто спрашивала, но просто опять хочу спросить, сколько времени, вы провели вот там, одна минута, две, пять, десять, полчаса?

- Ну, как вам сказать, когда утром мы были, мы долго там провели.

- Угу, а вечером быстро?

- А вечером быстро.

- А на следующий день, сколько времени провели там?

- А на следующий быстро, я не помню сколько там. Недолго там были. Где подсыпали, некоторые шевелились еще.

- Были, те которые еще шевелились, да?

- Да.

- А еще голоса слышны были?

- Нет, никакого голоса, никакого голоса.

- А там какие-нибудь предметы, что-нибудь лежало вокруг?

- Нет.

- После этого раза, вы когда-нибудь ходили еще на это место?

- Я уже после войны ходил там, убирали.
- После этого дня, как произошел расстрел, в Барановичах, остались евреи?
- Я уже комиссовался с армии, ну как, меня по состоянию здоровья комиссовали, я ходил там. Там уже кто-то жил, чья-то землянка была, уже кто-то жил в этой землянке.
- Я хочу спросить у вас, после войны, в Барановичах, остались евреи в живых, у вас, после этого дня?
- Не могу вам сказать, сколько осталось. Кто-то попрятался, кто как.
- Были такие случаи, что кто-то прятался?
- Говорили что были, но мне не попадался никто.
- Угу. Но были разговоры?
- Никого не было.
- А после войны в Барановичах, жили евреи?
- А после войны, появились.
- Это те, которые после эвакуации появились.
- Сейчас многие живут, сейчас многих знаю. Голынкина, и отца знаю и мать.
- Но, он уже потом приехали откуда-то?
- Они, наверное здесь появились, я уже не помню, откуда они появились.
- Что стало со всем этим имуществом этих евреев, которых согнали?
- Вот, на счет этого я не могу сказать, куда девалось, этим мы не интересовались.
- Можно уточнить, вы сказали, что это было лето, когда их согнали для расстрела.
- Кого?
- Вы говорили, что это было лето, когда их согнали в колонну, для расстрела, помните какой год?
- Дождя не было.
- Нет, год, какой помните?
- 43й где-то.
- Это где-то 43й год?
- Да.

- А когда их согнали на улицу Мицкевича, это в каком году было?
- В 42ом году вы не помните, когда изгнали, летом, осень, весной или зимой?
- Вроде было тепло еще.
- Так, что получается они, провели где-то год там?
- Да.
- И их кормили чем-то все это время?
- Ну, у них было что-то свое, свои кастрюли, ну я тогда общался с ними, они тогда угощали своим.
- Откуда они брали продукты?
- А кто их знает, кто их знает.
- Вы не знаете?
- Нет, я этим не интересовался.
- Ну, им разрешали выходить оттуда, пока их там держали внутри, на протяжении этого года?
- Да, спокойно я ходил, туда и назад и никто ничего. А потом уже более ли менее стали притеснять.
- Вы сказали, что вы спокойно ходили туда – сюда, а я спросила, евреям разрешали выходить оттуда в город?
- Выходили.
- Выходили?
- Выходили.
- Не знаю про разрешение, но они выходили, а что, мы дети, мы ходили без разрешения, как с нашей стороны, так и с их стороны, никаких разрешений.
- Вы говорили, что залазили под проволоку?
- Да.
- Понятно, хорошо прервемся.
- ...
- Мы продолжим наше интервью.
- Давайте.

- Когда вы пришли на это место, где были все тела, можете объяснить, вот эти ямы, которые были подготовлены для рельсов, каких размеров они были?

- Вы знаете, это было проложено, для уложения путей, там шпалы были.

- Ну, что они представляли собой эти ямы: ширина, длина, глубина?

- Ну глубина примерно, сколько там, метра два.

- Метра два?

- Да.

- Ну, это очень глубоко.

- Там где рельсы уложили, там и засыпали, метра два наверное.

- А ширины?

- Метра полтора.

- Метра полтора ширины?

- Да.

- А они длинные были?

- Раньше, видно было, от самого, этого самого, переезда здесь, к переезду минского, идет.

- Это сколько километров?

- Это полтора - два.

- Полтора - два?

- Да.

- А когда вы подошли и увидели тела, внутри этой ямы, то на протяжении скольких метров, яма была полная телами?

- Ну, где-то метров 500-600.

- Метров 500-600?

- Да, пол километра где-то было.

- Еще я хотела спросить, вот когда вы шли в колонне, вы говорили, что у вас было чувство такое, что вас ведут убивать, как бы на расстрел. Откуда у вас такое чувство было?

- Понимаете, откуда чувство, потому, что они обращались с народом, прикладами били, если уйдешь, могли пристрелить.
- А были какие-то разговоры или комментарии, что людей ведут на расстрел, или не слышали такого?
- Был разговор такой, что на расстрел.
- А кто говорил об этом?
- Между собой.
- Люди в колонне или полицейские?
- В колонне, в колонне, люди между собой говорили.
- Это постарше или дети говорили?
- Постарше говорили. “Вы дети как-нибудь уходите, убегайте” – говорили они, а на меня вообще ругались, мол, как ты вообще прошел в эту колонну?
- Это взрослые вас ругали?
- Они знали, что я, это самое, поляк, не еврей. Чего ты пришел сюда, зачем ты идешь?
- Угу.
- Вот и все. Это взрослые говорили мне.
- Если вы знали, что людей ведут расстреливать, вы говорили, что хотели обратно, вы понимали, что это как бы опасно для вас, что грозит смертью?
- Мы маленькие были, мы не обращали внимания на это все.
- Я хочу еще спросить, кроме...
- Товарищи все шли, я хотел идти вместе с ними, вот и все.
- Вам, неизвестно, кроме евреев, тогда в те военные годы, убивали людей другой национальности или только евреев?
- Не только евреев, военнопленных убивали.
- Вы, что-то видели связанное с военнопленными?
- Военнопленные, где вагоны, там, где депо, не знаю, как так получилось, целая колонна военнопленных. Завязывали им ноги в это самое, в колючую проволоку и лошадью таскали.
- Я не поняла, как завязывали ноги?
- Связывали ноги колючей проволокой...

- Военнопленных?
- Да, военнопленных.
- А кто завязывал ноги?
- Ну, кто же, там немецкая команда какая-то была, это они делали.
- И вы видели, как им завязывали ноги?
- Да, мы их видели со связанными ногами.
- Ага, вы их видели уже со связанными ногами?
- Да.
- А где они находились, вот когда вы их увидели, где они находились?
- Они находились на плацу, это между, сейчас его просто нет, а раньше, при Польше, там дерево свозили, на лесопилку.
- Там что, была какая-то площадь?
- Да, площадь была.
- И они все там находились?
- Да.
- Под охраной были?
- Как вам сказать, охраны такой особо...не помню, не могу сказать. Их таскали, потом их в ров, когда приходил бульдозер, и в ручную засыпали.
- Так вы их уже убитыми видели?
- Да.
- Вы не видели, как их расстреливали?
- Нет.
- А слышали выстрелы?
- Они без выстрелов, они понимаете, как получалось, их на вагонах привезли, уже мертвых, на этих вагонах. И их надо было хоронить.
- То есть их привезли туда уже мертвыми?
- Да.
- И вы видели, как их вытаскивали из вагонов?

- И видно было, как их за ноги зацепят, сами на лошади, и везет и тянет.
- На лошади, и тянули этих людей, по земле тянули?
- Да.
- Из вагона?
- Ну как там, из вагона цепляли или как.
- А на лошади это были немцы или полицейские?
- Немцы были.
- Немцы были? Много было немцев на лошадях?
- Там уже было не разобрать, немцы или полицаи.
- Но, много их было?
- По разному.
- Сколько примерно на лошадях было, один?
- Что?
- На лошади был один?
- Один.
- Один немец был?
- Да.
- И далеко таскал эти трупы?
- Ну, таскал он эти трупы, таскал, а потом отцеплял. В общем издевались.
- Очень сложная картина, как бы мне понять, то есть это была какая-то площадь, то есть вы увидели трупы на этой площади, когда вы подошли к площади, на каком расстоянии вы были?
- Где?
- От этой площади, где вот таскали этих военнопленных.
- А где таскали, так они уже мертвые были, вот в этих вагонах.
- Да, я поняла, но как далеко вы находились от этого места?
- Ну, почему рядом, немец рядом проезжал и радовался, такой довольный был, горло дерет.

- То есть он вас видел?
- А?
- Он видел вас.
- Да.
- Угу, вы не прятались, вы были один или еще дети?
- Нас много было.
- Угу.
- Я особо не прятался, просто я отделался, что я на еврея похож не был, уже, тогда был, а так не был.
- Так что, этот немец проходил мимо вас каждый раз, или только один раз прошел только, или несколько раз?
- Ну, как вам сказать, он один раз прошел, прогулялся на коне, и все.
- А когда он таскал мертвых, это рядом он таскал как бы или просто прогуливался?
- Просто прогуливался на лошади.
- А когда вы видели, что он таскал, вы говорили, что человек на лошади, таскал тела.
- Да, было все.
- Откуда вы знали, что это военнопленные, эти люди с завязанными ногами?
- Ну, видно было, что это. Во-первых, видны были гимнастерки, они видны были.
- Угу, это были как, советские гимнастерки?
- Ну, я не знаю, или их или наши. Но видно было, что в гимнастерках еще.
- Угу.
- На некоторых были. Или они в тельняшках помирали там, или что с ними?
- На них были какие-то пятна крови или следы от выстрелов?
- Не знаю, не могу сказать.
- Куда их хоронили?
- А прямо в яму.
- Там яма была?
- Там яма.

- А что за яма была? Каких она размеров?
- Простые ямы были. Если пойдете вот по этой, как вам, как сказать, там, где вагонное депо, там видно, там ямы, бугор, и захоронены эти несчастные.
- Только одна яма или несколько ям?
- Там просто брус такой, просто брус, там выкопано раньше было. В общем...
- Я не знаю, что вы имеете в виду, что просто брус? Просто брус, это как деревянные бруски, вы про это или что?
- Нет, там железную дорогу хотели положить, там выкопано было, брус наложен, земля так сверху, а здесь лощины.
- То есть, там тоже готовили для железной дороги?
- Вот здесь и хоронили, в лощине. Бросят кого-нибудь и засыпают.
- Там много вы видели военнопленных?
- Много было.
- Там были десятки или сотни все-таки людей?
- Кто его знает?
- Ну, вы долго там стояли и смотрели?
- Ну, как стояли, они мимо нас проходили и там засыпали.
- А вы как долго там стояли и смотрели?
- Я уже не помню, как долго мы там стояли, но стояли, и смотрели, как над людьми надругались.
- В каком году это было, не помните?
- Это было, вот когда их под Сталинградом, я хорошо помню, когда под Сталинградом.
- Это после Сталинградской битвы?
- Да, да, под Сталинградом.
- Вы не помните, это было зимой или осенью?
- Это было тепло.
- Тепло было?
- Тепло, да.

- Это было до того как расстреляли евреев или позже?
- Кого?
- Когда вы видели военнопленных, вы видели их раньше того, как расстреливали евреев, или позже?
- Военнопленных я видел и раньше и позже.
- Несколько раз?
- Да.
- На том же самом месте?
- Да.
- И каждый раз их привозили со связанными ногами?
- Уже готовы ямы были.
- Но их приводили каждый раз, вы говорили, что их ноги были завязаны проволокой?
- Были и проволокой завязаны?
- А были и без проволоки?
- Были и без проволоки.
- Угу, я поняла. И когда вы видели эти два раза военнопленных, это был тот же самый день, или это разные дни?
- Разные дни.
- Ну, на той же самой неделе или в том же самом месяце, или вы не помните?
- Ну, как вам сказать, может на другой неделе, может две недели прошло, я не знаю как там, не знаю.
- В том же месяце вы думаете?
- Постоянно ведь не будешь, но знаю, что там были.
- Вы, наблюдали какие-либо еще преступления против гражданских лиц или против мирного населения?
- Ну, с гражданским населением, могли, что угодно сделать.
- В прошлый раз вы говорили, что у детей забирали кровь?
- Это было раз, у меня лично взяли кровь.

- Кто брал кровь?

- Немцы.

- Как произошло все, расскажите.

- Это произошло, я как сейчас помню, в 44ом году. Точно я не помню даты. Нас уже переселили в школу, там была школа, сейчас там автоинспекция. Вот может, видели, там автоинспекция, барак такой, вот на этой улице, как ее Короткой.

- Вас туда вызвали?

- А?

- Вас туда вызвали, или забрали?

- Нет, там была школа, мы туда ходили в школу. И просто в один прекрасный день, смотрим, приходит машина туда, к этой школе, штук 5 наверное машин, с красным крестом. И нас, наверное, прямо на уроках, берут, у тех, кто, постарше, кровь, берут и вызывают, и мы выходим, и с нас берут кровь.

- Это только один раз такая ситуация была или несколько раз?

- После первого раза я в школу ходил, а после второго, я плюнул и не пошел больше в школу.

- Угу.

- А уже как придешь, опять кровь берут.

- Угу. Скажите, пожалуйста, вам когда-нибудь повешенных не приходилось видеть?

- Кого?

- Чтобы людей вешали или повешенных людей?

- Ой, не дай бог, что видеть больше. Не хочется видеть.

- Но вы видели где-то?

- Видел, и повешенных, и которых вешали. Что хотели, делали.

- А где вы их видели?

- На базаре, где роддом. Висели на столбах, у нас там свет проводили, и прямо на этих столбах.

- Это были мужчины или женщины?

- И мужчины, и женщины, и молодые парни такие, ну, постарше меня конечно, лет 17-18.

- Там были какие-то надписи, таблички?
- Все было.
- И что писали?
- Все было написано, и партизаны, и бандиты, чего только не придумывали, всего и не описать.
- Много раз вы видели?
- Очень много.
- Очень много - это десяток людей?
- Очень много вешали.
- Ну, вы видели это в 41ом году или в 42ом?
- То партизаны, то тех, то тех, то бандита, напишут "бандит". У нас же в городе, как никак сопротивление было.
- А вы видели когда-нибудь, как их вешали?
- Да, они подъезжали машиной, грузовой, он уже не живой был, его все равно брали за горло, цепляли и писали: партизан, бандит, такой - сякой.
- Вы кого-нибудь узнали, из этих людей повешенных?
- Нет.
- Мы остановимся здесь.
- Сутра вешали, а потом, после обеда их снимали. Правда некоторых потом хоронили сами.